

Августовская сессия: пенсионный возраст

60 лет назад состоялась августовская сессия ВАСХНИЛ¹, на которой лысенковцы-«мичуринцы» при партийной поддержке восторжествовали над классическими генетиками. Стоит ли вспоминать об этом событии? Мальчик, родившийся в те дни, уже выходит на пенсию... Стоит! Последствия лысенковщины проявляются в постсоветской биологии до сих пор.

На первый взгляд, сессия, прежде всего, была торжеством Трофима Лысенко. «Сделала» его советская пресса. Началось все с очерка в «Правде», опубликованного в 1927 г. Столичному корреспонденту нужен был передовой рабочий-крестьянский персонаж, и ему представили агронома сортоиспытательной станции в Гандже, в Азербайджане. Единственная работа Лысенко, которую можно было бы считать научной, была раскритикована, прежде всего – за неудачное применение математики. Зато доходчивые рассуждения с апелляциями к партийной мудрости и народной сметке получались у него хорошо. Что было бы, попадись газете другой герой? Может, судьба Лысенко сложилась бы иначе: исследователь-неудачник не познал бы вкуса успеха от пропаганды своей работы. А пошла бы иначе история биологии в СССР? Скорее всего – нет. «Лысенковщина» называлась бы иначе, но породившие ее причины действовали бы все равно.

Корни лысенковщины – в проводимой коммунистической партией программе построения социализма, начавшейся в 1928 г. Провал первой пятилетки не мешал власти тиранию о ее перевыполнении. Разрыв между действительностью и агитационной картинкой требовал ярких и понятных иллюстраций советских побед. Уровень работы Лысенко, как и сам этот очень «советский» персонаж, были находкой для тогдашней пропаганды.

Социально востребованный Лысенко пошел вверх. В сотрудничестве с философско-коммунистом И.И.Презентом он с 1935 г. увязывает свои идеи с диалектическим материализмом, присоединяется к критикам генетики и начинает атаку на Николая Ивановича Вавилова, признанного во всем мире ученого и организатора науки. В стране прошли две дискуссии лысенковцев с генетиками: 1936 и 1939 годов. На них власть поддерживала Лысенко (назавшего свою биологию «мичуринской»), но не запретила и классическую науку. Увы, эти годы были не только временем научных споров, но и временем репрессий.

Как ни странно, террор в науке уничтожал не столько явных противников лысенковщины, сколько тех, кто декларировал верность установкам власти, сохраняя свой образ мысли. К тем, кто демонстрировал лояльность, относились и сам Вавилов. Не следует его за это осуждать – он был вдохновленным руководителем большого коллектива. Ф.Добжанский вспоминал слова Вавилова: «Возможности служить человечеству, существующие в СССР, настолько огромны и вдохновляющие, что во имя этих возможностей следует научиться не обращать внимания на жестокости существующего режима. <...> Нигде в мире так высоко не ценится работа ученого»².

Добжанский не вернулся из поездки в США, дожил до глубокой старости и стал классиком популяционной генетики. Вавилова в 1940 году арестовали, а в 1943-м довели до смерти в тюрьме от голода и болезни. Мог он ожидать себе такую судьбу? Мог.

«Когда «Нью-Йорк таймс» в 1936 г. сообщила об аресте Вавилова, ставшем советскую генетику на край катастрофы, разгрома ее лысенковцами, Вавилов ответил письмом <...> в «Известиях», в котором он заявлял, что свободен и занимает прежние положения и что на судьбе советской генетики не может отразиться арест нескольких преступников»³. Вавилов наверняка понимал, что арестованные в 1936 г. (и позже казненные – о чем ему, вероятно, не было известно) С.Левит, И.Агол и М.Левин преступники не были...

К 1948 г. позиции Лысенко ослабли. В годы войны руководство страны меньше занималось наукой, критика взглядов «мичуринцев» усилилась. Показательной была дискуссия, проведенная «Литературной газетой», в которой с антилысенковской стороны участвовали И.И.Шмальгаузен, А.Н.Формозов, Д.А.Сабинин. У Лысенко появились критики и на самом верху партийного руководства, например А.А.Жданов. Впрочем, на руку Лысенко сыграла начавшаяся в 1947 году кампания по борьбе с «преклонением перед иностранщиной». Какая из научных школ была более советской, чем «мичуринская биология», поддерживаемая на Западе лишь немногими маргиналами? Возможно, свою роль сыграла борьба за влияние на Сталина между Ждановым, с одной стороны, и Берией с Маленковым – с другой. Всесильный Берия убедил Сталина поддержать «народного академика».

Итак, сельскохозяйственная академия пополняется новыми членами (не избранными – назначенными Сталиным!). На сессии с докладом выступает президент академии. Выступающий поясняет и свою точку зрения, и точку зрения противников, переспрашивает у оппонентов, верно ли он излагает их мысли... Не поленились, прочтите доклад Лысенко, легко доступный в сети. Представьте себе, что вы не знаете, какая из школ опиралась на научные данные, а какая – лишь на идеологизированную риторику. Вы увидите замечательный пример советской демагогии: слушателю-непрофессионалу покажется, что Лысенко выиграл честно!

Проходит несколько дней сессии. Кто-то подпевает президенту академии, кто-то спорит с ним. Наконец, Лысенко заявляет, что его доклад рассмотрен и одобрен ЦК партии (как стало известно позже, Сталин лично редактировал доклад Лысенко!). Спор с «мичуринцами» оказывается формой борьбы с властью. Противники Лысенко, включая Жданова, начинают каяться...

Показательная судьба Антона Романовича Жебрака, яркого белорусского генетика. В 1947 г. он был президентом Академии наук БССР и заведующим Отделом управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). С поста президента Академии Жебрака вкратости сняли за статью в журнале «Знание в защиту советской науки, содержащую критику Лысенко. На августовской сессии Жебрак не поддержал Лысенко, но после того, как тот выложил главный козырь, был вынужден изменить свою точку зрения: «Я, как член партии, не считаю для себя возможным оставаться на тех позициях, которые признаны ошибочными Центральным Комитетом нашей партии». Раскание Жебрака не было признано искренним, его научная работа – прекращена, а сам он – уволен со своих должностей. Из выступавших на сессии

противников Лысенко не раскаялись лишь генетик И.А.Рапопорт и статистик В.С.Немчинов. Более того, Иосиф Абрамович Рапопорт, который вступил в партию на фронте, вышел из рядов ВКП(б), что по тем временам было поступком, требовавшим неслыханного мужества. Хотя Рапопорт и Немчинов были уволены с занимаемых ими должностей, ни одного, ни другого карательные органы их не тронули.

Через два дня после сессии Г.М. Маленков провел заседание Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП(б). Партия потребовала очистить науку и образование от носителей чуждых идей. Приказ министра высшего образования СССР С.В.Кафтанова от 23.08.1948 г. содержал обширный перечень увольняемых «менделеевско-вейсмановско-моргановских». На их место ставились лысенковцы. «Мичуринские» научные темы закрывали, их исполнителей разгоняли. По всей стране шли собрания, где выступающие присягали в верности «мичуринской» биологии, клялись за свои ошибки, клеймили врагов. «Если до августовской сессии биологии еще могли мечтать о «свободе слова» в пределах своей специальности, то после сессии для

очень многих несбыточной мечтой стала хотя бы «свобода молчания»⁴.

Возможность для открытой критики Лысенко появилась лишь в 1952 г. Тучи над народным академиком сгустились, и появилась вероятность, что с Лысенко расправится сам Сталин. Смерть Сталина в 1953 г. привела к снятию запретов на публикацию генетических работ, но не открыла возможности для серьезной критики «мичуринцев»: Лысенко удалось добиться поддержки Н.С.Хрущева. Концом официальной поддержки «лысенковщины» можно считать совместное заседание Президиума АН СССР, Министерства сельского хозяйства СССР и Президиума ВАСХНИЛ в сентябре 1965 г., прошедшее после смещения Хрущева.

Споры об оценке тогдашних событий продолжают. Две точки зрения связаны с защитой мнений сторон в прошедшей дискуссии. «Школьная» генетика отрицает какую-либо правоту во взглядах Лысенко, повторяя утверждения о ненаследственности приобретенных признаков (во многих случаях – устаревшие). Немногие сторонники Лысенко повторяют заклиная о достижениях мичуринской биологии⁵. Вероятно, наиболее разумный подход заключается в рассмотрении данных современной науки вне дихотомии подходов «вавилонцы-лысенковцы». То, что в некоторых своих утверждениях Лысенко оказался прав, не было следствием предвосхищения современных результатов.

Насколько неизбежным был разгром генетики? Объясняет августовскую сессию личными качествами И.В.Сталина и Т.Д.Лысенко по меньшей мере наивно. Корни «лысенковщины» – в диалектическом материализме, официальной доктрине ВКП(б). В основе этой идеологии – представления об антагонизме материализма и идеализма, об отражении классовых борьбы в науке.

С окончательной победой советской власти в СССР потребовалась радикальная перестройка животноводства и растениеводства – пере-

ход от индивидуального к коллективному хозяйствованию. Нужны были новые породы животных и сорта растений. В рамках планового народного хозяйства научные институты и селекционные станции должны были выполнить задание партии и правительства в короткий и заранее указанный срок. Учитывая, что наследуются предрасположения, а не качества организмов, классические генетики требовали для своей работы достаточно длительного времени, затрачивали множество усилий на поиск генетически разнообразного материала, мутагенез, организацию скрещиваний. Селекция – долгая и сложная работа.

Суть жизни в то время была ясна: Энгельс установил, что она заключается в обмене веществ. Утверждение о наличии «генов», которые не разрушаются и не создаются в ходе обмена веществ, неизбежно воспринималось как идеалистическое. Его можно было понять так, что наследственная программа («идея») первична, а ее реализация в ходе обмена веществ («материя») вторична. Возник отчетливый социальный заказ на биологию, которые с помощью диалектического материализма будут управлять обменом наследственности и менять свойства организмов в желаемом направлении. Лысенко оказался первым из практиков, кто заговорил о народной науке, которой противопоставят враги-теоретики. Он утверждал, что наследственность можно «расшатать» и в кратчайшие сроки добиться наследования необходимых партии и правительству приобретенных признаков. Естественно, Сталин подержал Лысенко и его сторонников, а когда генетики начали объяснять, почему у Лысенко ничего не получается, принял меры для подавления «анти-советской агитации».

Еще одной причиной, способствовавшей формированию подозрительного отношения «отца народов» к генетике, стала связь этой науки с евгеникой – учением об улучшении человеческой природы. Вероятно, неблагоприятную роль тут сыграло письмо Мёллера к Сталину, отправленное и прочитанное в 1936 году. Герман Мёллер, ученик Т.Моргана, открыватель химического мутагенеза (1927 г.) и лауреат Нобелевской премии (1946 г.), придерживался левых взглядов. В 1933 году он переехал в СССР, где работал в лаборатории Н.И.Вавилова. В письме Сталину Мёллер представил программу «большевизма-евгеники. Поскольку «нет такого естественного закона, который определял бы, что человек инстинктивно хотел и любил именно продукт своей собственной спермы или яйц»⁶, Мёллер предлагал вернуть государственную программу искусственного оплодотворения сознательных женщин «воспроизводственным материалом наиболее трансцендентно высоких личностей». Тогда «матери завтрашнего дня <...> будут горды смешать свою плазму с плазмой Ленина или Дарвина, и дать обществу ребенка, наследующего их биологические качества». Могла ли понравиться Сталину такая идея? К счастью, нет. Ему нужна была быстрая перестройка социума, связанная не с выведением лучших людей (еще и «детей Ленина»), а с уничтожением его противников и заглушением всех прочих. Вследствие письма Мёллера генетика стала ассоциироваться у Сталина с евгеникой, а через нее – с фашизмом. Условия для работы Мёллера стали ухудшаться, и он покинул Советский Союз. Открытое письмо Мёллера с протестами против решений августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. привело лишь к тому, что он был лишен звания иностранного члена АН СССР.

Для Лысенко было характерно тотальное осуждение применения ма-

тематики и статистики в биологии. Видимо, свою роль в этом сыграл его неудачный опыт применения математики в биологии. Лысенко решил, что вероятностное предсказание какого-либо события – это капитуляция науки. Случайна ли эта особенность лысенковщины? А вам не приходилось сталкиваться с руководителями, которые от ограниченности собственного понимания начинают бороться с «абстрактными моделями» или «бесплодной математизацией»? Кроме того, неадекватность государственной статистики была одной из сильных сторон Лысенко. Как указывал один из самых ярых борцов с «мичуринцами» Н.П.Дубинин, у генетиков не было оснований не верить официальным релициям о колоссальных успехах от применения методов Лысенко. Собиравшиеся колхозами статистика была нацелена на демонстрацию подтверждения ожиданий начальства. Выполняя разнарядку на использование методов Лысенко, для них отводили лучшие площади и отправляли «наверх» отчет об очередных успехах. Даже в тех случаях, когда в конкретном месте колхозники получали низкий урожай, они могли прийти к выводу, что это какая-то их местная аномалия, а в целом поддерживаемый всей государственной машиной метод приносит несомненную пользу.

В нынешнем обществе интерес власти к научным вопросам проявляется в финансировании перспективных (с точки зрения ожидаемого результата или, к примеру, «отмывания денег») научных школ. В тоталитарном государстве, где члены ЦК правящей партии всерьез занимались рассмотрением научных вопросов, неизбежны были кампании по расправе с одними учеными или по вознесению других. Лысенко оказался самым успешным, но не единственным из таких любимцев власти (достаточно вспомнить реформатора цитологии О.Б.Лепешинскую, микробиологического «новатора» Г.М.Бошняна или лидера «павловского» направления в физиологии К.М.Быкова).

Одним из самых важных последствий августовской сессии стало ее влияние на мораль ученых и преподавателей. Известный цитолог В.Я.Александров писал, что «лысенковская биология поставила грандиозный эксперимент по социальной психологии, подлежащий серьезному изучению. Эксперимент выял пределы прочности моральных устоев у разных людей. Он давал людям материал для самопознания, которого лишены живущие в нормальной обстановке. Ведь нормальная обстановка позволяет человеку до конца жизни сохранить благопристойность своего поведения и остаться в неведении о хрупкости основ, на которых эта благопристойность зиждется. Тоталитарная машина управления наукой не только демонстрировала примеры возвышения бесчестных и безграмотных людей. Организация научной и преподавательской деятельности сделала тысячи специалистов соучастниками творившегося «беспредела», заставив осуждать своих коллег или повторять бессмысленные идеологемы. Вы думаете, отзвук этих событий не достигнул до сегодняшнего дня? Когда формировались те, что сейчас руководят биологией на постсоветском пространстве, а когда – их учителя? Какова предистория принимаемых сейчас управленческих решений? Как выбирают руководителей науки, какие принципы реализуют конкурсы по избранию на должности или по получению финансирования?

Неужели вы не слышите доносящийся из шестидесятилетней давности срывающийся голос «народного академика» Трофима Лысенко?

Дмитрий Шабанов

Рисунки Б.Ефимова

1. Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина.
2. Грэхэм Л.Р. Естественное, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. – М.: Политиздат, 1991. – С. 121.

3. Joravsky D. The Lysenko Affair. Cambridge, 1970.

4. Александров В.Я. Трудные годы советской биологии: Записки современника. СПб.: Изд. «Наука», 1993 г.

5. Одним из примеров может быть творчество автора, пишущего под псевдонимом Сигизмунд Миронин (как тут: <http://www.contr-tv.ru/print/2790/>).

6. http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/ECSE/VV_EN6.W.HTM